

НА ЧУЖБИНѢ.

Разсказъ.

Съ самаго утра шелъ дождь, безшумный и теплый. День, тихій, сѣренькій, не обѣщалъ ни радостей, ни печали. Озеро, небо, горы закрылись бѣловатою дымкою, призрачною, туманною.

Евгенія Сергѣевна уже цѣлый мѣсяць любовалась ясною си-невою неба, яркимъ блескомъ солнца, и теперь все это ее томило. Радостны стали ей теперь и шелестъ легкаго дождя, и блѣдная окраска неба.

Но туда, къ далекому, призрачному туману, ее, больную, слабую, не пустили,—уложили передъ раскрытымъ окномъ, за которымъ синѣютъ гребни горъ и желтая дорога убѣгаетъ далеко, далеко.

„Сестра“—молоденькая, съ тихими движеніями и мелодичнымъ голосомъ—нашла ее сегодня „sehr schön“. Одѣла ее въ свѣтлый батистовый пеньюаръ, расчесала и заплела на прямой проборъ волнистыя, тонкія косы. Осторожно уложила на кушетку передъ окномъ и пошла внизъ за завтракомъ.

Евгенію Сергѣевну всегда утомляетъ одѣванье. Она тихо лежитъ на спинѣ, тонкая, прямая, закрывъ глаза и вытянувъ руки.

Жить здѣсь сносно. Хозяйка—тихая, деликатная. „Сестра“—умѣлая и милая. Сосновыя стѣны уютнаго дома сладко пахнутъ ароматною смолою. Въ рамкѣ полупрозрачной кисеи синѣютъ гребни далекихъ туманныхъ горъ. Балконъ свѣшивается надъ сіяющимъ лазурью озеромъ. Надъ синими горными гребнями, надъ голубыми водами, надъ сосновыми стѣнами—тишина, задумчивая, беззвучная.

Дни ритмично текутъ, однообразно смѣняя другъ друга. Доктора и сестра,—больше никого Евгенія Сергѣевна не видитъ. Изрѣдка хозяйка, съ неизмѣнною улыбкою на неподвижномъ лицѣ,

приносить ей букетъ блѣдныхъ розъ; или почтальонъ, вбѣжавъ на лѣстницу въ подкованныхъ сапогахъ, просовываетъ подъ дверь письмо въ дорожномъ конвертѣ.

Вся жизнь здѣсь—мирный, тѣсно сомкнутый кругъ. И кажется, что другая жизнь—большая и мятежная, дремлетъ гдѣ-то поодаль, за стѣною синихъ горъ, за рамкою голубихъ озеръ, за кольцомъ дороги, убѣгающей куда-то далеко, далеко.

Евгению Сергѣеву убаюкиваетъ эта тишина. Лежать такъ часами, безъ мыслей, безъ думъ... Смотрѣть на вѣчно туманныя горы, на вѣчно сіяющее озеро, на вѣчно безмятежное небо. Только смотрѣть!

Только смотрѣть! Вѣдь все это—чужое, „нейтральное“, мирно устроенное чьими-то чужими руками. Не зоветъ, не требуетъ. А тамъ—тоска, тревога, милая, родная, своя.

Дремотно ползутъ долгіе часы послѣ полудня. Весь домъ затихъ,—это часъ отдыха. Слышенъ только мѣрный стукъ маятника по стѣнѣ, взадъ—впередъ. И онъ не докучаетъ. Чужой, не свой,—пусть!

Евгенія Сергѣевна лежитъ задумчиво, сложивъ на худенькой груди тонкія, исхудалыя руки, такія маленькія и невинныя, какъ руки послушнаго ребенка. Блѣдное лицо ея слишкомъ спокойно. Нѣжныя губы, привыкшія къ молчанію горькихъ улыбокъ, безмяжно сомкнуты. Надъ матовымъ лбомъ бѣлѣтъ проборъ, чуть золотятся каштановыя косы. Если бы не эта блѣдность, не эта успокоенность рукъ и тѣла, можно было бы ее принять за молодую дѣвушку,—такъ чистъ овалъ ея лица, такъ круглы плечи. Ея движенія беспомощны, ея улыбка трогательна, и вся она, тонкая, свѣтлая, кажется здѣсь хрупкимъ, блѣднымъ цвѣткомъ на фонѣ ярко раскрашенной олеографіи. Странно,—зачѣмъ она здѣсь, въ этой грубо-спокойной, красивой, яркой странѣ, среди этихъ спокойныхъ, тяжеловѣсныхъ, увѣренныхъ людей. И хочется взять ее на руки и унести далеко, далеко,—туда, гдѣ небо вѣчно хмуро, гдѣ поля печальны, гдѣ дороги задумчивы, гдѣ люди не умѣютъ быть счастливы, куда летятъ теперь всѣ ея думы и мечты...

На тѣ дорожки милыя, между росистыми по зарѣ кустами въ родной сторонѣ, надъ рѣкою, гдѣ такъ сладко, такъ звонко пѣлъ соловей. На ту террасу передъ старымъ милымъ домомъ. На поляну лѣсную, изумрудную...

За стѣною сосѣдка Евгенія Сергѣевны, больная, одинокая, за пѣваетъ грустный романсъ, чуть-чуть подыгрывая себѣ на пианино. Словъ не разобрать, но мелодія знакома,—тоска, безнадежность, призывъ. Оттого, что поетъ больная, одинокая, некрасивая

дѣвушка, такъ же какъ и она застрявшая на чужбинѣ, и самыя слова призыва звучатъ такъ безнадежно-печально, и безумная, ноющая жалость сжимаетъ сердце. Кажется, надъ чьею-то жгучею тоскою, надъ чьимъ-то беззавѣтнымъ чувствомъ кто-то жестоко насмѣялся,—заставилъ повѣрить Богъ вѣсть какимъ безумнымъ снамъ, несбыточнымъ, обольстительнымъ надеждамъ.

Вотъ такъ повѣришь иногда сну золотому, — и что же? Гдѣ же ты, милый сонъ? Нѣтъ милымъ снамъ воплощенія...

Горы о чемъ-то задумались, озеро лѣниво дремлетъ, люди спятъ мирнымъ сномъ.

Не спитъ одна Евгенія Сергѣевна,—не даетъ ей заснуть печаль мелодіи, такой знакомой, такъ вкрадчиво льющейся въ душу. Чередой нахлынули старыя думы. Воспоминанія...

Жизнь—словно блѣдный, призрачный сонъ. Томленія юности, — одиночество и мечты. Замужество, безъ радостей, безъ любви,—тоже одиночество, вдвоемъ. Потомъ болѣзнь; утомленная, обезсиленная, она приняла эту болѣзнь, какъ неизбѣжное. Тѣлесныя муки притупили тоску, помирлили съ обманувшимъ, несбыточнымъ, оправдали томленія печали.

Любила ли она? Любили ли ее, нѣжную, хрупкую, словно созданную для словъ любви, для трепетныхъ признаній? Теперь въ долгіе томительные часы послѣ полудня, лежа со сложенными на груди блѣдными руками, Евгенія Сергѣевна думаетъ, вспоминаетъ.

Такая робкая повѣсть ея любви! Такъ непохожая на тѣ зажигательныя встрѣчи, о которыхъ она столько читала, столько мечтала!

Тамъ, гдѣ свѣтлый лучъ пронизываетъ тьму и все зажигается волшебнымъ блескомъ счастья, у нея... два-три яркихъ мгновенья, мимолетныя встрѣчи, и слова... ахъ, какія безсильныя, блѣдныя, человѣческія слова... Слова, въ которыя хотѣлось вѣрить, но не было вѣры...

Радость мгновений тонула въ глубинахъ страданій. Блѣдные лучи ея не разсѣяли тучъ сомнѣній...

Всю жизнь правили ею съ дѣтства внушенныя ей правила морали, не позволившей ей въ послѣднюю минуту, когда все было поставлено на карту, „перешагнуть, осмѣлиться“. Ну вотъ и прожита жизнь,—и на совѣсти нѣтъ ни одного пятна, ни одного заслуженнаго упрека...

Но и счастья борьбы, и ликованья побѣды не знала она въ жизни...

Встрѣчи ихъ бывали рѣдки, странны... Осенними вечерами въ

заброшенномъ паркѣ, у круглаго пруда, когда листья падали на влажную землю, желтые, мертвые, когда вѣтеръ тоскливо тянулъ однозвучную пѣсню печали на раннемъ, странно-яркомъ закатѣ.

Вспоминается одинъ такой вечеръ. На темной отъ пролившагося дождя дорожкѣ встрѣтились они для послѣдняго рѣшенія. Но взглядъ его былъ печаленъ, робокъ, а слова все тѣ же,—бѣдныя, безсильныя слова.

Сидѣли на побурѣвшей отъ дождя скамейкѣ, въ холодномъ сумракѣ недолгаго августовскаго дня.

— Какъ же его здоровье?

— Онъ умираетъ...

Тотъ помолчалъ, взволнованный серьезностью момента.

— Минуты печали пройдутъ. Мы будемъ счастливы...

Такъ неувѣренно, точно спрашивалъ.

Сказала тихо:

— Счастья не будетъ. Слишкомъ долго мы ждали, слишкомъ страдали.

— Нѣтъ, будетъ счастье, будетъ!

Такъ робко, такъ неувѣренно звучали его слова. Точно испуганный жизнью старался увѣрить себя самого, что не боится.

— Онъ между нами, всегда, навѣки...

Смотрѣла испуганно. Ждала чего-то. Чего? Словъ пламенныхъ, побѣдительныхъ, небывалыхъ, которыя разрушили бы невѣріе, встали бы надъ смертью, надъ жизнью...

Ну, что же, онъ уговаривалъ!

— Это—временное настроеніе... Я понимаю,—теперь вы де способны принять во вниманіе...

Принять во вниманіе! Но гдѣ же, гдѣ другія, властныя слова и дерзкіе огни всепобѣждающей, всемогущей страсти?!

И всетаки тогда, въ холодномъ сумракѣ осенняго предвечера, на потемнѣвшей скамейкѣ у мокрой травы, какъ дорогъ былъ онъ ей! Такъ единственно милы были именно эти печальные сѣрые глаза, растерянно искавшіе ея взгляда, эта русая прядь волосъ на утомленномъ уже лбу, эти руки, блѣдныя, неувѣренныя, все время стискивавшія ручку дождевого зонтика!

— Мнѣ кажется, я не имѣю права отрывать васъ отъ того, который...

Ахъ, бѣдныя людскія слова! Ахъ, бѣдное безсилье человѣка!

Умеръ мужъ, но печаль не умерла, не выпустила ея изъ цѣпкихъ своихъ объятій. Болѣзнь, давно таившаяся въ тоскующемъ тѣлѣ, вдругъ вырвалась наружу, подхватила, закрутила всю ее. И сразу потускнѣли, отлетѣли куда-то мечты о возможномъ, о

несбыточномъ. Равнодушіе охватило, тупое, странное, и тихая, незнакомая усталость,—до того ли, гдѣ ужъ! Еле хватило силъ дотащиться сюда, въ эту чуждую глушь, гдѣ все равно было,—жить или умереть. А тамъ грянуло Нежданное—и выѣхать больной, обреченной, уже не удалось.

И здѣсь одна, среди чужихъ, равнодушныхъ, Евгенія Сергѣевна сначала забилась, заметалась, какъ раненая на-смерть, а потомъ вдругъ какъ-то сразу успокоилась, затихла. Солнце всходило, звѣзды зажигались, озеро улыбалось, — жизнь текла обычнымъ мирно-сомкнутымъ кругомъ,—не все ли равно ей было! Она знала, что не дожить ей до весны, не вернуться больше туда, не увидать его, умереть здѣсь, одной, на чужбинѣ... Но почему же теперь она здѣсь, одна? Почему въ этотъ послѣдній, злой часъ не съ нею онъ,—онъ, который когда-то клялся не пережить ея?

Да не сама ли она сказала, разорвавъ въ одну бессонную мучительную ночь свое бѣдное, уже ничему не вѣрившее сердце: — Прощайте! Счастье не для насъ...

А онъ говорилъ робко и тоже, кажется, безъ вѣры:

— Но я не теряю надежды...

Уѣхала. Заставила себя забыть, замерла... А онъ,—Богъ вѣсть гдѣ онъ, и что съ нимъ?

Да что же съ нимъ? Вѣрно, такъ же служить, такъ же ходить по тихимъ улицамъ, такъ же щурить близорукіе глаза,—милый, слабый! А можетъ тамъ—полетѣлъ туда, куда другіе... Недаромъ говорилъ въ минуты раздумій: хотя бы громъ грянулъ... Если бы пришлось хоть умереть за родину...

Вечерѣло. Дождь пересталъ. Стосковавшіеся лучи солнца вырвались изъ плѣна тучъ и засверкали, праздная свое освобожденіе. Евгениі Сергѣевнѣ захотѣлось на воздухъ. „Сестра“ измѣрила температуру и, осторожно закутавъ Евгению Сергѣевну въ пледъ, вынесла ее на балконъ, какъ ребенка.

Слегка закружилась голова, сладко и томно. Свѣтло слишкомъ и ярко...

Внизу озеро сіяло, просвѣтленное, ясное. Повсюду горѣли, искрились, переливались въ лучахъ солнца брилліанты дождя; откуда-то изъ-за горъ рѣзвый и вольный вѣтеръ принесъ жуткій аромат доцвѣтующихъ розъ.

Нарядно, красиво было все вокругъ, но, ахъ, какъ тяжело, какъ тоскливо!

За стѣною снова зазвучала одинокая печальная пѣсня, и мелодія тоски, безнадежности и призыва снова звенѣла настойчи-

во, но неуверенно, и рояль плакалъ, увѣряя, что правды нѣтъ, что всѣ слова лгутъ, что всѣ клятвы нарушаются.

Евгеніи Сергѣевнѣ вдругъ стало безпокойно и жутко. Голубое, улыбающееся небо, безоблачное, безмятежное, горы молчаливыя и равнодушныя,—все это чужое нарядное великолѣпіе, на что оно ей? Близкая, родная ей лишь эта тоскующая, рыдающая пѣсня да дорога, убѣгающая далеко за озеро, за горы.

Полетѣть бы туда, разсѣчь бы крыльями воздухъ и облака, побѣдить бы моря и пространства, взглянуть бы еще хоть разъ на хмурыя, печальныя поля, на потемнѣвшія отъ дождя дороги, на скамейку, на прудъ. Закричать бы, забиться, застонать отъ боли и отъ ужаса... Или нѣтъ,—сжаться, замереть въ предсмертной судорогѣ послѣдней щемящей тоски...

Солнце заходило надъ озеромъ. Догорающіе лучи его, окунаясь въ воду, брызнули багряною кровью на бѣлые хлопья облаковъ, столпившихся на горизонтѣ. Поперекъ воды легли, засверкали атласныя серебристыя полосы. И сладко было, какъ послѣ жаркой молитвы, и тяжело, какъ передъ долгою разлукою. И казалось, что кто-то идетъ къ ней,—уже близко, уже за порогомъ.

Въ дверь постучали. Хозяйка вошла съ неизмѣнною улыбкою на неподвижномъ лицѣ, съ бѣлѣющимъ письмомъ въ рукахъ.

Евгенія Сергѣевна не торопясь раскрыла конвертъ, — прочитала. Не вскрикнула, не шевельнулась.—Онъ умеръ далеко тамъ, какъ мечталъ,—сынъ своей страны, съ ея именемъ на устахъ...

Евгенія Сергѣевна вздохнула, перекрестилась. Сразу легко, свѣтло стало на душѣ.

Теперь она знала,—надо спѣшить,—и тихо, неспѣша стала собираться. Услыхала зовъ его, тихій, но настойчивый, радостно взволновалась.

Вотъ и всему конецъ, и нѣтъ печали, и близокъ онъ, глаза котораго видѣли тайну. Онъ, вѣчный, освобождающій.

Передъ нею алѣлъ закатъ, догорая... Послѣднее облачко на небѣ пылало, отдавъ охватившему его пожару всю свою нѣжность и любовь... Да, отдать такъ все, отдать послѣднее, какъ отдалъ онъ...

Евгенія Сергѣевна тихо приподнялась и стала любовно прощаться съ озеромъ, съ горами, съ облаками. Она знала, что сейчасъ уйдетъ отъ нихъ, но не жаль ей было всего этого земного великолѣпія. Душа ея ликовала, разорвавъ земныя тяжкія цѣпи, и не было печали, тоска, сомнѣнія отлетѣли...

Успокоенная, тихая, спѣшила она туда, гдѣ, — вѣрила, — откроется ей смыслъ всѣхъ земныхъ нашихъ страданій. Тихое,

увѣренное довольство, почти блаженство, разлилось у нея внутри, согрѣло измѣтавшуюся душу.

Больная, одинокая дѣвушка все пѣла за стѣною, отчетливо выговаривая слова тоски и страсти. Евгенія Сергѣевна вдругъ вспомнила, что она останется здѣсь одна, и пожалѣла ее искренно и нѣжно.

Земная, земная печаль, ахъ, сколько ея здѣсь!

Почему-то вдругъ вспомнила себя подросткомъ-гимназисткою вечеромъ въ саду. Луна свѣтитъ, бѣлый цвѣтъ левкоя благоухаетъ, и она на качеляхъ далеко унеслась въ мечтахъ. Куда только не унесутъ крылья юной сладостной мечты!

Милый, милый, ты ждешь... Иду къ тебѣ...

Что-то вдругъ толкнуло, словно разбудило Евгенію Сергѣевну отъ сна.

— Сейчасъ,—сказала она радостно.

Судорожно схватилась за образокъ, висѣвшій на шеѣ.

Изъ-за края неба, подернутаго розовою паутиною, выглянуль молодой бѣлый мѣсяць, заглядѣлся и замеръ на мѣстѣ. На него упалъ ея послѣдній взглядъ.

Закатъ погасъ. Облачко растаяло. Вверху кто-то тихо ходилъ, и неторопливо, безшумно зажигалъ звѣздныя лампы. И кто-то, тихій и нѣжный, закрылъ тоскующіе глаза поцѣлуемъ, прохладнымъ и долгимъ, какъ вѣчность.

Анастасія Чеботаревская.